

сектантовъ и въ заключеніе производился разборъ этого послѣдняго съ точки зрѣнія Православія.

На эти бесѣды всегда собиралось очень много слушателей, среди которыхъ были и сектанты, причѣмъ послѣдніе постоянно вступали въ пререканія съ миссіонерами.

8-го мая, днемъ, я велъ бесѣду о Преданіи. Слушателей, по обыкновенію, было много. Были и сектанты, но сидѣли молча и въ разговоры по вопросу о Преданіи не вступали. Въ концѣ бесѣды православные сообщили мнѣ, что сектанты въ отсутствіе миссіонера ходятъ по домамъ православныхъ и „сбиваютъ“ ихъ, причѣмъ особенно усиленно пытаются доказать ненужность поклоненія Св. Иконамъ и Кресту. „Будьте добры, батюшка, оградите насъ отъ сектантской отравы“, — говорили православные мнѣ. Не имѣя возможности, за краткостью времени (бесѣда была передъ всеношной), дать подробное изложеніе ученія Православной Церкви по этимъ вопросамъ, я ограничился указаніемъ на общее положеніе, въ силу котораго Церковь, установившая поклоненіе Св. Кресту и Иконамъ, какъ непогрѣшающая въ своихъ установленіяхъ, не нарушила Божія повелѣнія о нетвореніи кумира.

Бесѣда кончилась, я пошелъ на квартиру, собираясь служить всенощную. На площади ко мнѣ подошелъ сектантъ М—въ, одинъ изъ вожаковъ, и обратился съ такими словами: „Я, по порученію мѣстныхъ баптистовъ, предлагаю вамъ устроить въ Боготолѣ публичную бесѣду, на которую мы выпишемъ изъ Омска проповѣдника Волгина. А такъ какъ онъ раньше субботы здѣсь быть не можетъ, то вамъ придется обождать нѣсколько дне“. На это я отвѣтилъ М—еву: „А какъ вы думаете, г. М—въ, для кого я сюда приѣзжаю: для православныхъ или для васъ—сектантовъ? О комъ у меня должна быть забота? Я лично думаю, что я приѣзжаю въ Боготолъ для православныхъ, чтобы оградить ихъ отъ вашей сектантской пропаганды, укрѣпить въ нихъ вѣру, раскрыть для нихъ истины Православія и рассмотреть вопросы, пререкаемые вами, указать на ошибочность вашихъ сужденій и опасность слѣдованія за вами въ цѣль спасенія. А поэтому вы—сектанты интересуете меня только постолько, поскольку вы имѣете отношеніе къ православнымъ.. Кромѣ Боготола у меня есть еще много мѣсть, гдѣ я нуженъ, а потому такъ безрасудно тратить время на бесѣды съ вами—я не намѣренъ. Что же касается вашего проповѣдника Волгина, то онъ для меня совершенно не страшенъ, такъ какъ я съ нимъ уже встрѣчался въ Ново-Николаевскѣ и 1 января 1916 г. велъ съ нимъ публичную бесѣду, на которой онъ мною былъ побѣжденъ и бѣжалъ изъ Ново-Николаевска, даже не простившись со мной послѣ бесѣды. Обратитесь къ Ново-Николаевскимъ баптистамъ и они вамъ расскажутъ объ этомъ. Такъ что мнѣ Волгинъ нестрашенъ и не интересенъ, какъ сектантъ. Если угодно вамъ бесѣдовать, то сегодня, послѣ всенощной устроимъ бесѣду, но опять таки въ томъ же порядкѣ, въ какомъ я велъ здѣсь до сего времени. А публичныя бесѣды въ томъ видѣ, въ какомъ вы предлагаете устроить, къ положительнымъ результатамъ не приводятъ и даже, въ извѣстныхъ случаяхъ, для дѣла вредны. Да и апостоль запрещаетъ заниматься словопреніями (1 Тимое. 6 гл. 3—5 ст.).“

М—евъ началъ выражать „сожалѣніе“ о томъ, что въ Томской епархіи мало миссіонеровъ, что слово Божіе не проповѣдывается въ должной мѣрѣ и т. д. На это я ему отвѣтилъ, что въ приходѣхъ каждый священникъ является миссіонеромъ и проповѣдуетъ слово Божіе, а вотъ если бы сектанты

Изъ жизни миссіи.

Мнѣ, по должности миссіонера, въ первыхъ числахъ мая (стар. ст.) пришлось посѣтить городъ Боготолъ. Вмѣстѣ со мной въ миссіонерскую поѣздку отправился преподаватель Томской Духовной Семинаріи Н. П. Глаголевъ.

Въ Боготолѣ нами было проведено нѣсколько публичныхъ бесѣдъ по вопросамъ, пререкаемымъ сектантами, причѣмъ самый порядокъ веденія этихъ бесѣдъ былъ таковъ: вначалѣ излагалось положительное ученіе Православной Церкви по извѣстному вопросу, затѣмъ сообщалось ученіе

поменьше сѣяли зла на доброй нивѣ, тогда не нужны были бы спеціальныя миссіонеры, такъ что тѣ слезы, кои проливаетъ г. М—евъ—не искренни и настоящую цѣну ихъ—мы знаемъ. На этомъ нашъ разговоръ окончился.

Придя на квартиру послѣ всенощной, я получилъ пакетъ отъ Боготольскаго Совдепа, въ коемъ было отношеніе на мое имя. Этимъ отношеніемъ (за № 1003) мнѣ предлагалось дѣлать заявленія о своихъ бесѣдахъ и получать на устройство таковыхъ разрѣшеніе совдепа. Отношеніе написано довольно рѣшительно и даже дерзко, принимая во вниманіе декретъ объ отдѣленіи Церкви отъ государства. Обсудивъ въ домашней обстановкѣ создавшееся положеніе, я рѣшилъ протестовать всѣми мѣрами противъ этого насилія.

9-го мая (въ день Свят. Николая (въ Боготолѣ храмовой праздникъ) во время запричастнаго, я вышелъ съ проповѣдью. Выяснивъ исторію праздника, я перешелъ къ выясненію положенія, въ которое сейчасъ поставлены пастыри церкви православной. „Поминайте наставники ваша... да съ радостію сіе творятъ, а не воздыхающе—говоритъ апостоль,—сказалъ я; съ какимъ же чувствомъ нынѣ пастыри будутъ творить волю пославшаго ихъ, когда имъ, въ ихъ дѣлахъ ставятъ преграды? И это происходитъ въ русской странѣ, гдѣ доселѣ къ слову пастыря чутко прислушивались, гдѣ личность проповѣдника была неприкосновенна. Чтобы вы знали, что случилось, я прочту вамъ документъ, полученный мною вчера отъ мѣстнаго совдепа“. Я прочелъ полученное мною отношеніе и, продолжая проповѣдь, сказалъ: „мѣстный совдепъ посягаетъ на свободу проповѣдывающаго слово Божіе. Да не будетъ сего!.. Знайте, православные слушатели, что эта власть церковью не признана, патриархомъ—проклята, а поэтому, если здѣсь есть представители совдепа, пусть они слышатъ, если ихъ нѣтъ,—то вы имъ скажите, что я, пастырь церкви православной, въ совдепъ не пойду и разрѣшенія брать не стану. Встаньте, православные, на защиту вашихъ проповѣдниковъ, скажите этимъ людямъ съ прсжженной совѣстью, людямъ, ничего общаго ни съ религіей, ни съ церковью не имѣющимъ, поправшимъ законы Божескіе и человѣческіе: не топчитесь грязнымъ сапогомъ въ святомъ святыхъ нашихъ чаяній и нашихъ упованій, прочь ваши грязныя руки отъ проповѣдывающихъ намъ слово Божіе; оградите насъ отъ этихъ насилій и добивайтесь возможности слышать проповѣдь, чтобы мы „съ радостію сіе творили, а не воздыхающе“. Эти слова, сказанныя съ большимъ дерзновеніемъ, тронули сердца слушателей и въ храмѣ послышались рыданія. Послѣ литургіи былъ устроенъ крестный ходъ въ желѣзнодорожныя мастерскія, гдѣ былъ отслуженъ молебенъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Изъ жизни миссіи.

(Окончаніе).

Вскорѣ пришелъ товарный поѣздъ и я, вмѣстѣ съ Н. П. Глаголевымъ, сѣлъ въ теплушку, чтобы ѣхать дальше. Въ вагонѣ вмѣстѣ съ нами сѣлъ какой то пьяный солдатъ, а вскорѣ пришелъ и еще одинъ военный. Пьяный, какъ только сѣлъ около насъ, такъ сейчасъ же началъ ругать большевиковъ, поносилъ совѣтскую власть, всячески стараясь вызвать насъ на разговоръ, но мы оба (я и Н. П.)—молчали. Тогда съ нимъ въ разговоръ вступилъ военный и минутъ черезъ 15, заявивъ, что онъ помощникъ военного комиссара Боготольскаго совдепа, объявилъ солдата арестованнымъ. Я сразу понялъ, что здѣсь провокація, что пьяный солдатъ былъ подосланъ, чтобы вызвать насъ на разговоръ и что помощникъ комиссара поѣхалъ со спеціальной цѣлью—арестовать насъ. Тогда арестованный, желая оправдаться и не получивъ желаемого, бросилъ такую фразу: „я вѣдь человекъ темный и глупый, что меня арестовываютъ. А коли меня арестовали, такъ арестовывайте всѣхъ въ вагонѣ и священника“. Комиссаръ ухватился за эту фразу и сказалъ: „Значить, голубчикъ, у тебя со священникомъ за одно, вы

оба одну линію ведете. Вѣроятно онъ тебя научаетъ, а ты говоришь. Такъ, что же, можно и священника арестовать, вотъ вы вмѣстѣ и поѣдете. Конечно, если бы такія вещи говорилъ въ вагонѣ самъ священникъ, такъ я бы его тутъ же и пристрѣлилъ, но онъ предпочитаетъ тебя учить, а вотъ ты его и выдалъ“. При этихъ словахъ комиссаръ вынулъ изъ кармана „наганъ“ и медленно провелъ имъ около моей физіономіи. На это я сказалъ комиссару: „вы свой „наганъ“ уберите и пожалуста меня не впутывайте въ грязную исторію пьянаго солдата. Ваше, ни на чемъ не основанное предположеніе, еще не даетъ вамъ права лишать меня свободы. Я протестую и прошу васъ взять свои слова обратно“. Комиссаръ „наганъ“ убралъ не сразу, а началъ меня спрашивать, кто я, откуда, куда ѣду. Узнавъ, что я миссіонеръ, что живу я въ Томскѣ, что разъѣзжаю по дѣламъ службы по линіи дороги и проповѣдую слово Божіе, спросилъ у меня, имѣю ли я разрѣшеніе отъ Томскаго совдепа на свои проповѣди. Когда я ему отвѣтилъ отрицательно и заявилъ, что слово Божіе—не запрещенное ученіе и проповѣдывать его я, какъ священникъ, имѣю право и безъ разрѣшенія, онъ спросилъ меня, не я ли говорилъ проповѣдь въ Боготольской церкви и читалъ тамъ бумажку отъ совдепа. Когда я сказалъ ему, что это я, онъ началъ доказывать мнѣ, что ученіе Христа можно какъ угодно толковать, что теперь, когда буржуазія находится въ гоненіи, она не остановится ни предъ какими затратами, чтобы даже ученіе Христа повернуть въ свою пользу, что я нанятъ этой буржуазіей и веду опредѣленную пропаганду, что мое выступленіе съ проповѣдью—протестомъ объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ, что Боготольскій совдепъ такъ и понялъ мою проповѣдь, а поэтому далъ ему—комиссару порученіе арестовать меня и Н. П. Глаголева (его за бесѣду на тему о социализмѣ) еще въ Боготолѣ и что мы не были тамъ арестованы только потому, что народъ могъ возмутиться и могло произойти на этой почвѣ столкновеніе, а потому комиссаръ рѣшилъ арестовать насъ въ вагонѣ, гдѣ этому никто и ничто не помѣшаетъ. Поѣздъ подошелъ къ разъѣзду „Вагино“. Комиссаръ позвалъ въ вагонъ своего помощника и сказалъ ему о нашемъ арестѣ, подчеркивая, что пьяный солдатъ находится съ нами въ сообществѣ, а поэтому насъ всѣхъ нужно препроводить въ Томскъ для выясненія дѣла. Подъ охраной комиссара и его помощника мы доѣхали до ст. „Криво“. На станціи оба они вышли и пошли совѣщаться. Пьяный солдатъ, забравъ котомку, вышелъ изъ вагона и быстро зашагалъ по направленію къ поселку при станціи. Минутъ черезъ 10 къ вагону подошелъ комиссаръ съ помощникомъ и еще однимъ красногвардейцемъ и сообщилъ послѣднему, что онъ будетъ сопровождать въ г. Ачинскъ, къ „товарищу Сарасену“ (предсѣдателю Ачинскаго совдепа) троихъ арестованныхъ, причемъ довольно подробно изложилъ ему причины нашего ареста. Войдя въ вагонъ и не найдя въ немъ солдата, комиссаръ сталъ спрашивать у насъ, гдѣ солдатъ? Мы ему отвѣтили: „не знаемъ, мы не обязаны смотрѣть за солдатомъ“. На это комиссаръ довольно грубо намъ отвѣтилъ: „вы должны были караулить его и задержать, когда онъ пошелъ“. На это я ему сказалъ, что я въ первый разъ слышу, что на обязанности арестованнаго лежитъ окарауливаніе другихъ, что это никакими статьями закона и даже декретами—не предусматривается. Комиссаръ отвѣтилъ на это грубостью и, повторивъ еще разъ красногвардейцу свои распоряженія,—вышелъ изъ вагона, пообѣщавъ телеграфомъ извѣстить подробно Ачин-

скій комиссаріатъ объ арестованныхъ. Подъ охраной красногвардейца мы въ 7 часовъ вечера прибыли на ст. Ачинскъ. Здѣсь насъ встрѣтилъ старшій дежурный по комиссаріату, который заявилъ, что онъ получилъ шесть депешъ отъ комиссара и спросилъ нашего конвоира, гдѣ третій арестованный. Конвоиръ отвѣтилъ, что солдатъ бѣжалъ еще въ „Криво“ и что ему были сданы только два арестованныхъ, которыхъ онъ и привезъ. Дальше начался допросъ, за что арестованы и кто мы такіе. Конвоиръ, парень довольно простой и недалекій, всю дорогу рассказывавшій намъ о разстрѣлахъ большевиками и въ вагонахъ и на станціяхъ „контра-лицинеровъ“, почтительно рапортовалъ „начальству“, что де священникъ и вотъ господинъ арестованы изъ-за пьянаго солдата, котораго арестовали и который сказалъ, что и священника надо „въ такомъ разѣ“ арестовать, что-же тутъ, навѣрно, „ошибка произошла“, что священникъ тутъ не причемъ и т. д. Кондукторъ, ѣхавшій въ одномъ съ нами вагонѣ, тоже подтвердилъ, что тутъ „ошибка“. Спросили у насъ наши документы, долго ихъ разсматривали, особенно печати, пожимали плечами и заявивъ, что „ничего въ этой исторіи понять невозможно“—объявили насъ отъ ареста свободными.

Мисс. свящ. Александръ Щербаковъ.

